

Чжу Яньинь поперхнулся от изумления и покачал головой:

— Эти люди забросили тебя в сухой лес, в заколдованный лабиринт. Как ни посмотри, они кругом виноваты. Теперь ты вернулся целый и невредимый, но все еще боишься их? Разве не они должны бояться тебя?

Тань Шуцю задумался, и ему показалось, что это... ну да, совершенно верно.

Поэтому он предложил новую идею:

— Брат Чжу, а давай ты притворишься моим отцом, чтобы я отрепетировал оправдание? Скажу, будто они все вместе отправились пьянствовать и развлекаться с блудницами, а я не пожелал опускаться до их уровня и в гневе повернул назад. Как тебе?

Чжу Яньинь знатно опешил от такого внезапного сынка. Он быстро велел слугам запихать Тань Шуцю в экипаж и поскорее отправить восвояси под грохот колес.

С крыши вдруг донесся тихий смешок Ли Суя.

Чжу Яньинь остановился и с удивлением посмотрел наверх.

Ли Суй сидел там уже порядочно и успел подслушать весь их разговор. Глядя сверху на белеющую в лунном свете фигуру, он вдруг поддался праздному любопытству и спросил:

— А если Тань Шуцю, вернувшись, все равно прикроется твоим именем?

Чжу Яньинь уверенно ответил:

— Не посмеет.

Ли Суй приподнял бровь:

— Это еще почему? Ты что, и правда убьешь его?

«Я-то нет, — подумал Второй молодой господин Чжу, — а вот ты запросто».

Ли Суй догадался, о чем тот подумал, но не стал спорить, а лишь усмехнулся.

Черты его лица вовсе не были свирепыми. Напротив, он был довольно красив и ладен — из тех юношей, которых пожилые женщины на улицах непременно осыпают похвалами. Вот только обычно на его лице не отражалось ни единой эмоции, а вечные черные одежды и леденящая аура заставляли весь Цзянху ассоциировать его со свирепым чудовищем. Но сейчас, когда он улыбался в лунном свете... как бы это выразить? Он казался даже привлекательным. Больше не похожий на главного злодея из приключенческих романов, он напоминал скорее ночного демона с алыми губами и белоснежными зубами, чей единственный удел — похищать людские души.

— О чем ты думаешь? — спросил Ли Суй.

Второму молодому господину Чжу не пристало признаваться, что он залюбовался его красотой — еще побьет чего доброго. Пришлось соврать первое, что пришло в голову:

— Я думаю об Альянсе боевых искусств.

Ли Суй кивнул:

— Поднимайся.

Чжу Яньинь велел принести лестницу. Забравшись на крышу, он увидел валяющиеся рядом глиняные кувшины.

— Ты пил?

— Не пьян, — ответил Ли Суй. Он хотел было протянуть ему начатый кувшин, но вспомнил, какой этот избалованный молодой господин из Цзяннаня привередливый, и отпил сам. — Это «Морозный багрянец», лучший сбор нынешнего лета.

Чжу Яньиню понравилось это название. «Дымка окутывает далекие выси холодной зеленью, морозный багрянец окрашивает редкий лес, осыпая увядшую листву» — в этом сочетании образов крылось изящество.

Ли Суй взглянул на него:

— Тебе нравится Альянс боевых искусств?

Чжу Яньинь немного подумал и ответил:

— Мне нравится тот Альянс боевых искусств, о котором пишут в книгах.

Что же касается настоящего, расположившегося у подножия горы, от него веяло смутой и корыстью.

Ли Суй отбросил пустой кувшин в сторону:

— Ни тебе, ни мне он не по душе. Но если мы хотим искоренить Демонический культ, придется объединить с ними силы.

«Он точно пьян», — подумал Чжу Яньинь. Будь Ли Суй в здравом уме, разве не заявил бы он с привычным презрением: «Этот Альянс боевых искусств только путается под ногами, я и в одиночку сотру весь Храм Фэньхо с лица земли»?

Взгляд Ли Суя тонул в лунном свете, и понять, насколько он пьян, было невозможно. Он все так же безучастно продолжил:

— Полагаю, из тех, кто собрался у подножия горы, как минимум восемьдесят процентов мечтают меня прикончить.

— Ну что ты, вовсе нет, — поспешил возразить Чжу Яньинь. Хотя все его боялись, в глубине души они наверняка трепетали от восхищения и мечтали снискать его расположение. Откуда взяться мыслям об убийстве? Да и смелости ни у кого не хватит.

— Неважно, — Ли Суй прикрыл глаза. — Когда я убью Читяня, то и сам погибну.

Чжу Яньинь растерялся: с чего вдруг такие мрачные мысли? Он осторожно взглянул на спутника:

— Со смертью Читяня в Поднебесной наконец воцарится мир. И даже если Владыка дворца Ли больше не захочет иметь дел с Цзянху, он всегда сможет отойти от дел и зажить спокойной

жизнью.

В романах ведь всегда так писали: герои удалялись на покой и мирно доживали свои дни в глуши. Откуда же взялись разговоры о смерти?

Ли Суй молча разглядывал его какое-то время, затем снова усмехнулся и, протянув руку, панибратски ущипнул его за щеку:

— Ты думаешь, Читяня так просто убить? За это придется заплатить моей жизнью. И то, что Альянс боевых искусств согласился отправиться на север вместе со мной, — за это скорее мне следовало бы их поблагодарить.

Слова Ли Суя окончательно запутали Чжу Яньиня.

Ли Суй тяжело вздохнул, будто смертельно устал, навалился на него всем телом и мгновенно уснул.

Уснул безмятежно, без единой тревожной мысли.

Луна на небе отливала странным багрянцем.

Все, что происходило этой ночью, казалось каким-то нереальным.

Одетый во все белое Второй молодой господин Чжу бережно держал голову великого злодея, совершенно не понимая, как все к этому привело.

И при этом не смел даже шелохнуться.

Получив известие, Чжу Чжан и Цзян Шэнлинь поспешили на помощь. Увидев сидящего на крыше Чжу Яньиня и лежащего у него на коленях Ли Суя, оба обомлели, хоть и по разным причинам.

В мыслях одного крутилось: «Почему Владыка дворца Ли не идет в спальню? Разве на крыше спят приличные люди? Ночь холодная, роса ложится — вдруг наш молодой господин простудится, что тогда делать?!»

Второго же одолевали совсем иные сомнения: «Мне ведь это чудится? Точно чудится? Ведь не может же это быть правдой?!»

Чжу Яньинь приложил указательный палец к губам, призывая всех к тишине, и жестом велел слугам, собиравшимся подняться на крышу, уйти.

Ли Суй спал крепко. Его обычно сурово сведенные брови расслабились, длинные ресницы опустились, и казалось, что он сбросил все свои доспехи. И пусть в повседневной жизни он редко выглядел озабоченным (скорее уж он сам сеял тревогу в чужих душах), Чжу Яньинь чувствовал, что подобные минуты абсолютного покоя даются Ли Сую нелегко. Решив не беспокоить его, он позволил ему и дальше спать, положив голову на его колени.

Аромат «Морозного багрянца» давно унес осенний ветер, уступив место едва уловимому благоуханию дикой сливы и орхидеи, исходившему от белоснежных рукавов юноши. Этот тонкий запах действовал умиротворяюще, обещая усталому путнику сны о далеком, невиданном им прежде майском Цзяннане.

Чжу Чжан неустанно притащил легкое одеяло: раз уж молодой господин не желает спускаться,

надо хотя бы укрыться, а то простудится ведь!

Чжу Яньинь отчаянно замахал руками, пытаясь отослать всех прочь, но его движения растревожили Ли Сую. Тот приподнялся, опершись на локоть, и недовольно окинул взглядом собравшихся внизу людей:

— Что случилось?

Цзян Шэнлинь красноречиво зыркнул на него, без слов намекая: «Еще бы! Утащить избалованного господина из благородной семьи на крышу и спать у него на коленях — тут у кого угодно возникнут вопросы!»

Ли Суй потер переносицу пальцами, и его лицо вновь сковала привычная стужа. Подхватив одной рукой меч Сянцзюнь, он спрыгнул во двор и, покачиваясь, прошествовал прямо в спальню, ни на кого не глядя.

Цзян Шэнлинь лишь промолчал.

Управляющий с облегчением выдохнул и поспешил отправить слуг за Вторым молодым господином.

— Пойдите, подождите! — взмолился Чжу Яньинь.

Чжу Чжан принялся настойчиво уговаривать:

— К ночи поднимется ветер. Если молодой господин желает и дальше любоваться луной, давайте спустимся во двор.

Чжу Яньинь скорчил страдальческую мину. Какая уж тут луна — у него напрочь затекли ноги, нужно было хоть немного прийти в себя.

Цзян Шэнлинь с глубоким вздохом смотрел, как слуги бережно спускают Чжу Яньиня и ведут его под руки. Да уж, творилось бог весть что.

Решив заглянуть в окно к Ли Сую, он едва успел уклониться от мощного удара ладони, просвистевшего прямо перед его носом.

Цзян Шэнлинь отпрянул.

«И почему твоя хваленая бдительность засыпает, стоит тебе прилечь к кому-то на колени?!» — мысленно возмутился он.

Ли Суй вновь смежил веки. Окутанный хмелем и едва уловимым шлейфом аромата дикой сливы и орхидеи, он провалился в глубокий сон.

Снилось ли ему что-то — неведомо, но спал он на редкость крепко.

На следующее утро.

Цзян Шэнлинь появился на пороге с чайником в руке.

Ли Суй ополоснул лицо холодной водой и небрежно бросил полотенце на вешалку.

— Что тебе?

— Принес тебе отвар от похмелья, — отозвался Цзян Шэнлинь.

Голова после вчерашнего все еще гудела. Ли Суй в несколько глотков осушил почти весь чайник.

— Спасибо.

Цзян Шэнлинь только покачал головой и выразительно прищелкнул языком.

Ли Суя это начало раздражать:

— С чего это ты вдруг?

Цзян Шэнлинь с самым ехидным видом спросил:

— Ты хоть помнишь, как вчера напился и утащил Второго молодого господина Чжу на крышу, чтобы прилечь у него на коленях?

Ли Суй нахмурился.

Цзян Шэнлинь похлопал его по плечу:

— Да ладно тебе, пустяки. Если сравнивать с кузнецом Чжаном из Цзиньчэна, который по пьяни крушит посуду, кроет бранью жену, а в прошлый раз и вовсе рухнул в сточную канаву и свернул шею, оставшись кособоким бобылем, твои манеры за чаркой весьма благородны.

— Что еще я натворил? — процедил Ли Суй.

Цзян Шэнлинь небрежно махнул рукой:

— Да так, ничего особенного. Немного поплакал у него на плече навзрыд, так что всю грудь Второму молодому господину Чжу слезами промочил. А в остальном все прилично.

Ли Суй помрачнел и без лишних слов замахнулся для удара.

Но Божественный целитель Цзян успел вовремя уклониться и бросился наутек. Судя по тому, как лихо он улептывал, его искусство легкости за последние два года шагнуло далеко вперед — не зря тренировался.

Тем временем Чжу Яньинь завтракал. Условия здесь, конечно, уступали домашним, но повар из усадьбы Чжу каждый день ухитрялся изобретать новые изысканные блюда. Да-а, отправляясь в поход на север, семейство Чжу прихватило с собой даже личного кулинара.

Из двора донесся голос Чжу Сяосуя:

— Владыка дворца Ли, доброго утра. Какая ранняя встреча...

Вторую половину фразы — «и зачем вас принесло в такую рань?» — он благоразумно проглотил.